

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

И.И. Каминский,

*аспирант кафедры международного права и международных отношений,
Национальный университет «Одесская юридическая академия»*

Многолетняя практика международных отношений демонстрирует, что государства для достижения своих интересов способны принимать любые меры, тем самым не только подрывая авторитет международного права, но и создавая угрозы международному миру и безопасности. В условиях существования международно-правового запрета угрозы или применения оружия (воплощенной в основном в ч. 4 ст. 2 Устава ООН) государства вынуждены искать прочие инструменты воздействия как на другие государства, так и на все международное сообщество. Представляется, что совокупность таких инструментов может быть объединена родовым понятием «невооруженная сила», соответственно, из-за отсутствия в таком воздействии вооруженной составляющей.

Распространенным является, например, межгосударственное влияние с помощью различных экономических мер: экспортно-импортных квот, таможенно-тарифной дискриминации, замораживания финансовых активов и т.п. Так, в 1960 г. Куба обвинила США в акте «экономической агрессии», потому что те снизили квоту на импорт сахара с Кубы, а также объявили о прекращении обработки кубинской сырой нефти [1].

Кроме того, пожалуй, одним из самых старых видов межгосударственного противоборства является информационная конфронтация. Ведь она наблюдается не только в ходе вооруженных конфликтов, но и в случаях кризисов, обострений отношений между государствами и т.п. Во время такого противоборства государство распространяет информацию (как правило, недостоверную) для того, чтобы повлиять на население или отдельные социальные группы, из-за чего такой вид невооруженного влияния более целесообразно именовать информационно-психологическим. Информационно-психологическое воздействие широко применялось двумя враждующими блоками, например, в ходе Второй мировой войны.

Глобальный прогресс накладывает свой отпечаток и на возможности государств вести свою внешнюю политику, в частности, применять невооруженную силу. Так, в современную эпоху такое влияние может осуществляться посредством информационно-цифровой среды – киберпространства. Например, в 2010 г. иранский ядерный центр в Натанзе стал объектом невооруженной кибератаки посредством компьютерного «червя» Stuxnet, повлекшей потерю контроля над его центрифугами [2]. Через несколько месяцев так называемые атаки по «отказе в обслуживании» (denial of service attack) вызвали отсутствие Интернет-связи в Бирме, что имело масштабное значение для проведения в этой стране выборов [3].

Характер указанных актов позволяет предположить, что такое влияние является недопустимым в международных отношениях и вынуждает выяснить

способность международного права влиять на акты применения невооруженной силы. Как отмечалось, поскольку на современном этапе международно-правового понимания ч. 4 ст. 2 Устава ООН рассматривается как запрещающая исключительно вооруженную силу, существует необходимость установить международно-правовой запрет применения, собственно, невооруженной силы. Учитывая характер реализации государствами мер, которые представляют собой невооруженное влияние, следует, что международно-правовой запрет последних вытекает из другого основного принципа международного права – принципа запрета вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (принцип невмешательства).

Принцип невмешательства обладает обычно-правовой природой; его нормативное содержание толковалось в международной судебной практике и детализировалось в международно-правовых актах, принятых в рамках ООН. Обобщая предметную сферу действия принципа невмешательства, следует указать, что по нему государствам запрещено принимать любые действия, которые (1) являются принудительными и (2) касаются вопросов, относящихся к внутренней компетенции государства.

Таким образом, для того, чтобы расценивать этот принцип как запрещающий применение невооруженной силы, конкретные акты такого применения должны быть проанализированы через призму двух указанных критериев. Критерий принуждения определяется прежде всего из факта, повлияло ли невооруженное принуждение на принятие решений и реализацию политики по конкретному вопросу. Поскольку сейчас не существует четкого перечня вопросов, решение которых исключительно принадлежит государству, из решений международных судебных органов, которые детализируют содержание принципа, следует, что такой точный перечень должен определяться на основании фактов каждого дела наряду с состоянием развития международных отношений.

Итак, международное право не является беспомощным к случаям применения невооруженной силы. Как показывает практика, проблема скорее заключается в том, что пострадавшие от такого применения государства практически никогда не выражают своей правовой позиции по поводу такого применения и не принимают других приемлемых действий (например, не инициируют международное судебное разбирательство по этому вопросу и т.д.). Также, необходимо отметить, что вопрос установления международно-правовых оснований запрета применения невооруженной силы, а также выяснения возможных исключений из такого запрета является предметом отдельного, более глубокого исследования.

Список использованных источников:

1. UN Security Council Official Records. Fifteenth Year, 874th meeting, 18 July 1960 (UN Doc. S/PV.874) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/82945/S_PV.874-EN.pdf?sequence=%202&isAllowed=y.
2. Stuxnet worm ‘targeted high-value Iranian assets’ - BBC News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/technology-11388018>.
3. Burma hit by massive net attack ahead of election - BBC News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/technology-11693214>.